

Научная статья
УДК 1:001; 340
DOI 10.33184/pravgos-2023.4.5

Original article

ПУЧКОВ Олег Александрович
Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: roa001@usla.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-5039-0594>

PUCHKOV Oleg Aleksandrovich
Ural State Law University named after
V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА И НОВЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВА

SOME ISSUES OF THE SCIENTIFIC WORLDVIEW AND THE NEW CHALLENGES FOR THE LAW

Аннотация. В статье рассматриваются важнейшие тенденции развития современной научной картины мира во взаимосвязи с правом. Предпринята попытка установить некоторые новые параметры современной научной картины мира: изменившийся статус познающего субъекта, утрата во многом привычного чувственно-образного ее восприятия, появление нового симбиоза материального и идеального, не охватываемого непосредственным восприятием органами чувств. Обращено внимание на то, что в праве по-прежнему не определены важнейшие категории, обозначающие этот симбиоз: сигнал, (в том числе доэфирный сигнал), сетевой сигнал, код. Целью работы является установление корреляции между новыми явлениями в современной научной картине мира и правом. Используются методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной логики, формально-юридический метод, метод экстраполяции. Материалами для исследования послужили труды ученых в сфере физики, квантовой физики, философии, теории права, а также результаты научных исследований автора статьи по вопросам физической сущности сетевого пространства, математизации, цифровизации и стандартизации права. Сделан вывод о том, что код, сигнал, сетевой сигнал не являются физическими объектами в привычном для всех понимании. Это новое физико-идеальное (символьное) явление, не исследованное ни физиками, ни правоведами. Код является системой записи, он наполняет запись определенным смыслом и содержанием, представляет собой совокупность материального и идеального, лежащего поверх электрического сигнала, и при этом он способен изменить физические свойства сигнала.

Ключевые слова: научная картина мира, синкретизм, синергия, статус познающего субъекта, единство материального и идеального, сигнал, код, эфир, доэфирный сигнал, физико-идеальное явление, часть, целое

Abstract. The article examines the most important trends in the development of the modern scientific worldview in connection with the law. The article attempts to establish some new parameters of the modern scientific worldview: the changed status of the cognizing subject, the loss of the habitual sensory-figurative perception of it, the emergence of a new symbiosis of material and ideal, not directly affected by the senses. Attention is drawn to the fact that the law still does not define the most important categories denoting this symbiosis: signal (including pre-air signal), network signal, code. The purpose of the work is to establish a correlation between new phenomena in the modern scientific worldview and law. Methods: description, interpretation, theoretical methods of formal logic, formal legal method, extrapolation method. The research materials are the works of scientists in the field of physics, quantum physics, philosophy, theory of law, as well as the results of the author's scientific research on the physical essence of network space, mathematization, digitalization and standardization of law. It is concluded that a code, a signal, a network signal are not physical objects in the common sense. This is a new physical-ideal (symbolic) phenomenon, which has not been studied by either physicists or legal scholars. The code is a recording system; it fills the record with a certain meaning and content. It is a combination of material and ideal lying on top of the electrical signal and at the same time, it is capable to change the physical properties of the signal.

Keywords: scientific worldview, syncretism, synergy, status of the cognizing subject, unity of material and ideal, signal, code, air, pre-air signal, physical-ideal phenomenon, part, whole

© Пучков О.А., 2023

Для цитирования: Пучков О.А. Некоторые вопросы научной картины мира и новые задачи права / О.А. Пучков. – DOI 10.33184/pravgos-2023.4.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 41–49.

For citation: Puchkov O.A. Some issues of the scientific worldview and the new challenges for the law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 41–49. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.4.5.

ВВЕДЕНИЕ

Для современных исследователей разных областей наук научная картина мира (далее – НКМ) – это не только целостная система представлений об общих закономерностях природы и общества (этот процесс связан с обобщением естественнонаучных понятий и принципов), но чувственно-образное представление о мире, которое, как показала современная научная действительность, далеко не всегда укладывается в параметры концептуального представления о нем.

Между тем ни у кого не вызывает сомнений, что НКМ создает условия и является эвристическим катализатором для фундаментальной научной теории, хотя сама по себе не является таковой. Это связано с тем, что НКМ отражает объект, «отвлекаясь от процесса получения знания»¹, а следовательно, и от логических методов и средств систематизации знаний об объекте исследования. Это, в свою очередь, не может не отразиться на чувственно-образном восприятии НКМ именно в современной действительности.

КРАТКИЙ ИСТОРИКО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЭКСКУРС ОСМЫСЛЕНИЯ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Нашей задачей является не столько анализ близких по предмету исследования сфер картин мира (например, биологической, физической, астрономической и др.), сколько максимально обобщенный анализ современной НКМ, который позволит выявить новые процессы, происходящие в ней, и, следовательно, определить задачи, возникающие в современном праве. В этой связи позволим себе сделать небольшой экскурс в историю вопроса. Прежде всего, обратим внимание на тот факт, что рассматривать НКМ можно лишь начиная с XVI–XVII вв., когда стало развиваться научное естествознание, которое и подвигло челове-

ство к осознанию единства мира и взаимообусловленности его структурных элементов.

Так, если на начальных этапах своего развития НКМ базировалась на актуализации понятий «материя», «движение», «пространство», «время», «вещество», удачно вписавшихся в чувственно-образную сферу НКМ (прежде всего, на основе концептуального анализа научного естествознания), то уже в XVII–XIX вв. диапазон чувственно-образного восприятия НКМ заметно сузился, так как фактически свелся к разделу физики – классической механике.

Обратим также внимание на тот факт, что в современных исследованиях огромное значение придается синкретизму и синергии наук, направлениям, концепциям, доктринам и т. п., якобы способствующим становлению и познанию НКМ. Более того, синергия рассматривается как революционный прорыв в познании мира [см., например: 1; 2; 3].

Позволим себе не согласиться с таким подходом. Синкретизм – это нерасчлененность, смешение, слияние порой совершенно разнородных элементов. Это, скорее всего, обыденное (житейское) восприятие НКМ. Современные увлечения исследователей синергетикой, понимаемой как совместное действие, взаимодействие, приносит порой больше вреда, чем пользы для определения содержания и восприятия современной НКМ. Так, к примеру, И.П. Малинова задается вопросом: что дает юридической науке применение в ходе научного познания понятия «синергия», и приводит к выводу, что она «служит средством выявления факторов упорядочения социальных процессов, их согласования в сфере правового регулирования, что, в свою очередь ... позволяет выстраивать «программы-навигаторы» развития социальных процессов и методов позитивного влияния на них ... внести необходимые коррективы в формирование причин и последствий юридических процессов в обществе» [4, с. 18]. Думается, такое утверждение не имеет под собой никаких объективных оснований. Каким образом, например, математика

¹ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 407.

может «усилить» правоведение или, наоборот, правоведение «усилить» математику? Полагаем также, что даже в социальных процессах, обладающих значительным синкретизмом и синергетикой, современная НКМ «не работает» в силу того, что эти взаимодействия носят в значительной мере надуманный характер. Обратимся в этой связи к междисциплинарному подходу в современном правоведении, выразившемуся в математизации, стандартизации и цифровизации. В своей статье автор ранее уже обращался к этому вопросу [5, с. 12], в результате чего были получены следующие выводы.

Во-первых, синкретические и синергетические установки в современных правовых исследованиях в действительности не способствуют конвергенции знания, поскольку у правоведов отсутствует понимание их методологической сущности. Отметим, что синкретизм (понимаемый как неразвитость, нерасчлененность на первых этапах развития чего-либо) и синергия как методологические модели находятся в отношении диалектического взаимодействия. Синкретический подход в исследовательских практиках, с одной стороны, способен приобретать некоторые синергетические свойства: синкретическое представление объекта позволяет в процессе его формирования раскрыть его взаимодействие и взаимосвязи с другими объектами в рамках их объектного единства. Синергия же рассматривает это взаимодействие концептуально, на уровне выстраивания методов научного познания. Обратим внимание, что происходит выстраивание методов (ведущий из них – метод экстраполирования), а не методологии познания. С другой стороны, синергия, на первый взгляд, потенцирующая научное знание и познание, способна вновь вернуться к синкретическому началу, поскольку синергетическая модель объекта неизбежно ведет к его представлению как чего-то целого, единого, нерасчлененного, а следовательно, синкретического. Это своеобразная цикличность в познании, которая не учитывается исследователями междисциплинарного подхода. В результате чрезмерного увлечения междисциплинарным подходом, в основе которого лежит методологическая связь разных наук и научных направлений, синкретизм снова обретает свое первоначальное состояние нерасчлененности, но уже на основе синергии.

Во-вторых, применение в правоведении математического подхода и методов естествознания, ошибочно трактуемых как методологически единые, представляет собой неоправданную «механическую» методологическую экстраполяцию.

Отсутствие понимания существенной разницы методологического аппарата математики и права и порождает неоправданные попытки обосновать понятия «алгебра поступков», «правовой интеграл» и т. п., которые в области правоведения не имеют действительного онтологического основания. Отметим, что, в отличие от права, математика не имеет собственного объекта исследования. В ее основе лежит функция – формализация окружающего мира. Как в свое время верно определил Г.П. Щедровицкий, «функция не имеет собственной объективной жизни: она есть лишь форма проявления связи; соответственно, чтобы исследовать и понять какую-либо функцию, фиксированную первоначально в виде свойства предмета, нужно перейти от этого предмета к более сложному целому, элементом которого этот процесс является; иначе говоря, исследовать определенную функцию какого-либо предмета – значит исследовать определенные связи, в которых этот предмет существует внутри более сложного целого» [цит. по: 6, с. 83]. Таким образом, математика будет способна формализовать право в рамках более сложного объекта. При этом возникают вопросы: какого? и насколько это возможно?

В-третьих, методологически необоснованным является введение так называемых правовых стандартов (к примеру, «антикоррупционного стандарта»), поскольку любой стандарт всегда означает информационное, алгоритмическое, лингвистическое и организационное обеспечение. Отметим при этом, что это подразумевает не просто соединение методологии информационных процессов, методологии построения алгоритма, методологии лингвистического анализа и методологии организационного процесса, а моделирование востребованности этих методологий на уровне правового мышления и правового анализа, достижение которого не всегда возможно в судебной и правоприменительной практике.

В-четвертых, не критичное отношение к эпистемологической специфике цифровиза-

ции, феноменам цифрового общества подчас приводит юристов к неоправданному выводу о том, что внедрение цифровых технологий в социально-правовую сферу – это процесс, по своей сущности ничем не отличающийся от прежних революционных этапов развития производства, как, например, механизация труда. В такой логике специфика цифровизации как таковая нивелируется, а основные контексты юридического осмысления феноменов цифрового общества становятся не понятными, а терминологическими.

Приведем в этой связи в обоснование нашей позиции следующее суждение: «общие признаки различного рода цифровых объектов (криптовалюта, смарт-контракт, виртуальное имущество и т. п.) и традиционной системы объектов гражданских прав определяются исследователями исходя из их терминологического соответствия (имущество – виртуальное имущество, валюта – криптовалюта), но вместе с тем такое механическое присоединение цифровым объектам свойств, присущих традиционным объектам гражданских прав, только исходя из идентичности терминов, которыми обозначаются и те и другие, видится нам совершенно необоснованным методологически» [7, с. 41]. Аналогичной позиции придерживается В.А. Белов, справедливо полагающий, что в этом случае происходит подмена содержания явления его логико-языковой формой [8, с. 256].

«СУЖЕНИЕ» СРЕДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НКМ КАРТИНЫ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Этот анализ свидетельствует о специфике современной научной картины мира, когда налицо «сужение» среды существования в ней картины правовой действительности. Она не подвержена обычной конвергенции, она самостоятельна, ибо отсутствие самостоятельности – это гибель любой науки или научного знания. Это отнюдь не означает, что современное право не испытывает влияния любых процессов, происходящих в материальном мире, но анализ этих процессов должен осуществляться на правовых принципах, законах и методах познания. Как отмечает В.О. Пучков, правовая методология имеет такие характеристики, которые отсутствуют у других на-

ук, даже находящихся на стыке с правом. К их числу автор отнес нормативность. «Методология как учение об организации деятельности структурно состоит, таким образом, из методологических дозволений, методологических обязываний и методологических запретов, которые в совокупности образуют методологические нормы, конструирующие организацию деятельности» [9, с. 29].

В связи с изложенным полагаем, что выделять как отдельную науку «методологию знания» вряд ли целесообразно в связи с серьезной спецификой отраслевых наук. В ходе дальнейшего раскрытия поднимаемой нами проблемы мы приведем примеры влияния физики и биологии на современное право и определим, готово ли право ответить на эти, на наш взгляд, революционные воздействия.

Итак, материальный мир с его бытийными характеристиками всегда «работал» на научную картину мира, постепенно поверяя ей свои тайны и проблемы. Но при этом с чувственно-образным восприятием картины мира серьезных проблем не было. Это восприятие было, как говорится, налицо. Так, по этому поводу весьма образно выразился Тьерри де Дюв: нужно «уступить, отдав энтропии материю, над которой она так или иначе властна, – материю наших монументов и документов, камень наших храмов и масла наших картин, бумагу наших книг, чувствительную эмульсию фотоснимков и ацетат магнитных лент» [10, с. 136–137]. В чувственно-образном восприятии мира есть главное, что отличает его от научного постижения и восприятия, – мир воспринимается не фрагментарно, а целиком, в единстве всех его способов восприятия: материально-чувственного, образного, ментального, интуитивного.

НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ НКМ. СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО НЕ ТОЛЬКО КАК ФИЗИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В отличие от предыдущих периодов развития НКМ современная НКМ, по многим параметрам утрачивая очевидность, наполняется ранее неизвестным для НКМ содержанием – неким субстратом материального и идеального, не охватываемого непосредственно восприятием.

Не случайно цифровизация в сознании

пользователей сети Интернет – это не что иное, как постоянный поиск симуляции объективной реальности. Код, сигнал, эфир не воспринимаются как реальность и не могут восприниматься в рамках чувственно-образного восприятия. Отсюда постоянный поиск, к примеру, в компьютерных играх, симуляции движения, осязания, обоняния, причем максимально приближенных к реальному чувственному восприятию. Если бытовые мультимедийные компьютеры уже давно и успешно воздействуют на зрение, слух, осязание (пользователь ощущает, например, ускорение), то на восприятие запаха и вкуса до сегодняшнего времени кибериндустрия даже и не пыталась замахнуться. Обоняние – это самый древний орган чувств, возникший еще до зрения и осязания. Тем не менее благодаря американской компании DigiScents оцифровка запаха произошла. Было изобретено устройство iSmoll. Оно содержит более 100 ароматических веществ, которые по команде компьютера смешиваются, образуя нужные запахи. «По свидетельству разработчиков, iSmoll позволяет генерировать около 2 в 128 степени запахов, что уже сегодня дает возможность более чем наполовину решить задачу обеспечения полного спектра различаемых человеком запахов»².

В любом открытии в эру цифровизации, безусловно, таится новая угроза для человечества. Известны тысячи пользователей, которые коллекционируют компьютерные вирусы, и цель их действий может быть сокрушительной. Так и оцифровка запахов может поразить мир таким симбиозом запахов, который станет смертельным для человечества.

Но вернемся к нашему утверждению о том, что, несмотря на все попытки «не уйти» от чувственно-образного восприятия современной НКМ, мы получаем необычный субстрат материального и идеального, практически не поддающийся обычному восприятию путем задействованных человеком органов чувств. Более того, существенно изменилась роль познающего субъекта в ней. Объективность (или постулирование таковой) в познании современной НКМ в значительной степени была поколеблена в области квантовой физики. В работах А. Эйнштейна и Э. Шредин-

гера в начале XX в. «было включено понятие наблюдателя. В частности, в квантовой механике состояние частицы описывается суперпозицией двух состояний (например, спин направлен вверх и спин направлен вниз), то есть частица находится одновременно и в первом, и во втором состоянии. Но когда некто проводит измерение спина, то частица из чистого квантового состояния принимает одно определенное. Иначе говоря, наблюдатель, наблюдая квантовую систему, тем самым меняет ее состояние» [11, с. 5]. Еще более наглядно изменилась роль познающего субъекта в сетевом пространстве: он стал анонимен, в значительной степени безответственен, с утраченными культурно-этическими связями, лежащими в основе его идентичности.

Физическая сущность сетевого пространства тоже не совсем физическая с точки зрения восприятия его человеком. До сих пор правоведа не смогли дать определение таким явлениям цифровизации, как «информационный поток», «сигнал», «сетевое пространство», «код», «эфир» и др.

Так, к примеру, правовая природа сигнала исследована правоведами только с точки зрения защиты прав вещательных организаций. Согласно подп. 4 п. 2 ст. 1330 ГК РФ объектом права организаций эфирного вещания является не концерт, спектакль и т. д., а «сообщение передачи» в эфир, то есть процесс передачи сигнала (вещание).

Вместе с тем российский законодатель, уйдя от определения правового статуса сигнала как такового, не делает, по сути, никаких различий между вещательным и сетевым сигналом. Речь идет, к примеру, о п. 1 ст. 1300 ГК РФ, который устанавливает, что информацией об авторском праве признается любая информация, которая идентифицирует произведение, автора, иного правообладателя, содержит информацию об использовании произведения, которая содержится на экземпляре произведения, приложена к нему или появляется в связи с сообщением в эфир или по кабелю либо в связи с доведением произведения до всеобщего сведения, а также любые цифры и коды, в которых содержится такая информация.

Акцент на любые цифры и коды нивелирует различие между сигналом в вещательном пространстве и в целом в сетевом.

Если обладателем авторского права на

² Прохоров А. Компьютеры обретают запах [Электронный ресурс]. URL: <http://compress.ru/article.aspx?id=9997> (дата обращения: 18.04.2023).

сигнал является вещательная организация, передающая его в эфир, то кто является обладателем авторского права на сетевой сигнал? Надо ли вообще устанавливать правовой режим сетевого сигнала? Ведь, в отличие от сообщения в эфир или по кабелю, в которых сигналы доступны лишь в ограниченный период времени, в сетевом пространстве наблюдается тотально присутствующий сигнал, который, на первый взгляд, внесубъектен с точки зрения определения его правообладателя.

В своих предшествующих исследованиях по этому вопросу мы уже обращали внимание на то, что сигнал – это ключевой элемент сетевого пространства. В 2006 г. был опубликован проект Договора ВОИС о передаче в эфир (ДВПЭ)³, который наряду с Римской конвенцией⁴ и Соглашением ТРИПС⁵ создали правовую основу охраны эфирного и в гораздо меньшей степени – сетевого сигнала. В проекте речь идет также и о правовой охране доэфирных сигналов. «По сравнению с Римской конвенцией положения Проекта касались организаций не только эфирного, но и кабельного вещания, предполагалась охрана прав, в том числе при вещании через спутники. Под охрану попадали отсроченные передачи (передачи в эфир после записи), а также сигналы, предшествующие вещанию...» [12, с. 59]. Таким образом, речь ведется в том числе о доэфирных сигналах, которые, по нашему мнению, имеют одновременно нематериальный и материальный субстрат. Для того чтобы доэфирный сигнал был задействован, нужны технологические системы, эфирное время. Между тем до сих пор нет правовых понятий доэфирного сигнала, эфира как такового, эфирного времени и т. д. Кроме того, разные правовые режимы охраны сигналов не способствуют единообраз-

ному правовому воздействию на эти объекты. «Так, в государствах англо-американской правовой системы передачи охраняются как объекты авторского права и, по сути, представляют собой трансляцию; в государствах континентального права передача – это некое транслируемое содержание, нематериальное благо, состоящее из сигналов, несущих звуки и (или) изображение. Но это содержание составляют не произведения, а сигналы как особая форма, в которую преобразована программа, – звуки и (или) изображения» [12, с. 59]. Возникает проблема: что же подлежит правовой охране? Известно, что разработчики проекта активно обсуждали предложения о распространении положений договора на сетевое вещание (интернет-вещание).

Что же такое сетевой сигнал? Это организация передачи данных в компьютерной сети, которая осуществляется как взаимодействие сетевой карты (физического компонента) и ее драйвера (идеального логического компонента). Сетевой сигнал – это движение электронов, но при этом следует понимать, что это энергетическое поле утрачивает характеристики чисто физического объекта, привычного к восприятию хотя бы научным сообществом, поскольку к движению электронов добавляется код со своими специфическими идеальными характеристиками.

Мы полагаем, что сигнал в сетевом пространстве, являя собой его сущностную характеристику, представляет новое физико-символическое явление (субстрат материального и нематериального). Отметим, что сетевое пространство принято рассматривать как часть глобального информационного пространства, ограниченного рамками коммуникационных сетей, то есть прежде всего с точки зрения информационной инфраструктуры и информационных ресурсов. Технологии сетевого пространства (построения сети) сводятся к тому, чтобы связать друг с другом удаленные устройства электрически и информационно. То есть кабельная инфраструктура или беспроводная связь (физический интерфейс и канал передачи данных) лежит в основе логического интерфейса – набора правил, который определяет порядок обмена данными между устройствами в сети.

Известно, что любая информация передается в сеть в виде закодированного сигнала.

3 Проект договора ВОИС об охране прав вещательных организаций [Электронный ресурс]. URL: // https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_14/sccr_14_2.pdf (дата обращения: 19.09.2023).

4 Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г.) [Электронный ресурс]. URL: // <https://docs.cntd.ru/document/58804834> (дата обращения: 06.10.2023).

5 Соглашение ТРИПС (англ. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, сокращенно TRIPS Agreement) – международное соглашение, входящее в пакет документов о создании Всемирной торговой организации [Электронный ресурс]. URL: // <https://wto.ru/about-WTO/WTO-agreements/> (дата обращения: 06.10.2023).

Именно он и управляет последовательностью электрических импульсов, которая соответствует передаваемым данным. Но что такое код с точки зрения физики? Это нечто лежащее поверх физического объекта.

Можно ли код рассматривать как физическое явление, то есть как проявляющее зримо свои сущностные свойства? Нам представляется, что ответ должен быть отрицательным. Ведь код – это совокупность знаков и (или) система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения⁶. При этом надо помнить, что код – это набор либо цифр, либо знаков, либо того и другого. Это нечто иное по сравнению с физическим, лежащее поверх электрического сигнала. Но без этого логико-символического электрический сигнал станет бессмысленным.

Таким образом, код является системой записи, наполняет эту запись определенным смыслом и содержанием. При этом он способен изменять физические свойства сигнала. Хотя об этих физических свойствах сигнала отсутствуют сведения в научной литературе, но не оспаривается факт, что движение электронов и является проявлением свойств сигналов. Ф.И. Перегудов и Ф.П. Тарасенко еще в конце 80-х годов XX в. предприняли попытку определить сущность сигнала, его виды и установили главное его свойство – непредсказуемость. Авторы сделали важный вывод о том, что «сигналы играют в системах особую, очень важную роль. Если энергетические и вещественные потоки, образно говоря, питают систему, то потоки информации, переносимые сигналами, организуют все ее функционирование, управляют ею» [13, с. 125].

Таким образом, «цифровая информация передается в сеть в виде закодированного сигнала, управляющего последовательностью электрических импульсов, которые, в свою очередь, соответствуют передаваемым данным. При этом цифровое кодирование использует либо потенциальные, либо импульсные коды. Импульсное кодирование, модуляция с присущими ему алгоритмами, заполняет сетевое пространство и начинает «жить» по своим законам» [14, с. 151].

⁶ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 603.

Именно в связи с этим при разработке законодательства о сетевом пространстве важно понимать физико-идеальное (символическое) значение этого явления, так как оно влияет на тактику расследования преступлений, совершаемых в сетевом пространстве, и на возможные ограничения, создаваемые сетевым пространством в силу его специфики.

Так, например, «если передаваемый сигнал продолжительное время не менял логической последовательности нулей и единиц, то это может привести к ошибке при считывании бит информации. Причина этого кроется в том, что невозможно будет разложить общий поток данных на отдельные составляющие и затем правильно собрать в буфере приемника их исходные структуры» [14, с. 153].

Таким образом, происходят сбои в сети, когда пропадают колоссальные объемы информации практически без возможности их восстановления. Но объективно получается так, что именно логическое кодирование внедряет свои биты в устойчивые последовательности бит, как правило, с противоположным значением либо заменяет их другими последовательностями.

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ НКМ НА ПРАВО

Как же на эти процессы может повлиять право? Какие права, дозволения и обязанности в этом случае будут определяться как самые эффективные в борьбе с этим явлением? С одной стороны, настала пора для первоочередного создания нового образовательного концепта – гуманитарно-естественнонаучного, в рамках которого правоведы будут постигать современные явления в научной картине мира и наиболее эффективным способом правовыми средствами нивелировать самые опасные из них. С другой стороны, физики, биологи и иные представители науки будут иметь возможность в результате совместной работы с правоведами выйти за устоявшуюся матрицу своих взглядов на современную картину мира и воспринимать ее более широко, с точки зрения специфики ее влияния на социальные, политические и правовые аспекты.

Объем статьи не позволяет углубиться в вопросы биоидеальных явлений в современной картине мира. Но обратим внимание

на тот факт, что вирусы, существующие в сети, ведут себя как полноценные биологические объекты, не являясь чисто физическими или биологическими явлениями на самом деле. Еще С. Хокинг, создавший «теорию всего», обращал на это внимание. Он назвал компьютерные вирусы «живыми». Хотя они, безусловно, не имеют обмена веществ, но успешно паразитируют на зараженном компьютерном устройстве. Зараженное сетевое пространство – это не что иное, как способ их существования. Эти вирусы проявляют способности к саморазвитию, подчиняются одной цели – разрушению. Как биологические вирусы, являясь неклеточной формой жизни, не проявляют себя как живые, пока не имеют возможности паразитировать внутри клетки, так и компьютерные вирусы «оживают», попадая в чужой ПК: они способны уничтожить всю операционную систему, удалить файлы, заблокировать пользователей и украсть их личные данные. И это неполный список их возможностей. Возможно, со временем они научатся уничтожать и пользователей сети. С. Хокинг вполне обоснованно доказал, что сетевой вирус – это новая форма жизни⁷. Не вызывает никакого сомнения, что это симбиоз физический и биоидеальный, где на равных началах присутствуют материальное и идеальное, что в значительной мере изменяет наши представления о современной НКМ. При этом важно понимать, что то, что создается в современном мире, отнюдь не часть целого. Если архитектура постулирует верховенство целого над частью, то квантовая физика – наоборот. «Замысловатая форма готического собора совсем не похожа на форму «кирпича», из множества которых он построен» [15, с. 90]. В квантовой же физике часть «богаче» целого. Мы имеем в виду факт, что ядро атома, разбиваясь в большом андронном коллайдере на кварки, образует более богатую по свойствам реальность, нежели

⁷ Times сообщила о последнем страхе С. Хокинга [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20181015/1530639905.html> (дата обращения: 12.09.2023).

та, которую оно представляет. Более того, последние исследования в этой сфере физической реальности могут свидетельствовать об очередном ее парадоксальном явлении. Так, исследователи пришли к выводу, что в состав протона входит так называемый «очарованный» кварк, который в полтора раза больше самого протона. При этом вся масса кварка не поглощается протоном. Кварки не бывают полностью свободными, они всегда группируются и обладают собственными уникальными признаками в отличие от ядра атома.

Выводы

Таким образом, это тот результат, который представляет собой симбиоз реального и идеального, живущий теперь по своим законам, воздействующий на окружающий мир и, соответственно, на современную НКМ. При этом мы констатируем, что современная НКМ все более утрачивает свой чувственно-образный, так сказать, очевидный характер. Это нарастающий объективный процесс в современном мире. И право не может оказаться в стороне от этого вектора развития НКМ.

Складывающийся в современной картине мира устойчивый симбиоз материального и идеального должен стать одним из направлений изучения современным правом.

Синкретизм и синергетика, преподносимые как революционный прорыв в изучении современной картины мира, куда входит наука право, на самом деле таковыми не могут являться в силу существенной разницы методологического аппарата различных наук.

Существенно изменяется в современной действительности статус познающего субъекта как таковой, а следовательно, должен изменяться и его правовой статус. Назрела необходимость в создании нового направления в образовании – естественно-гуманитарного, в рамках которого только и возможен учет современным правом всех процессов действительности, по-прежнему остающихся за бортом правового воздействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов О.А. Курс правовой информатики / О.А. Гаврилов. – Москва : Норма – ИНФРА-М, 2002. – 432 с.

REFERENCES

1. Gavrillov O.A. Course of legal informatics. Moscow, Norma – INFRA-M Publ., 2002. 432 p.

2. Кононов А.А. Общенаучная концепция системы права / А.А. Кононов // Известия вузов. Серия: Правоведение. – 2003. – № 3. – С. 12–21.
3. Ларионов И.К. Синергия государственно-правовых и воспроизводственных основ жизнедеятельности общества / И.К. Ларионов. – Москва, 2018. – 474 с.
4. Синергетика и герменевтика в правоведении и социально-правовом регулировании / под ред. А.Н. Кокотова, И.П. Малиновой. – Москва : Норма: Инфра-М, 2020. – 216 с.
5. Пучков О.А. Междисциплинарный подход в современном правоведении: математизация, стандартизация, цифровизация / О.А. Пучков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 2 (29). – С. 6–15.
6. Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии Организации, Руководства и Управления: хрестоматия по работам Г.П. Щедровицкого. – Москва : Дело, 2004. – 208 с.
7. Пучков В.О. Цивилистическая доктрина цифровой эпохи: методологические, теоретические и прикладные проблемы : монография / В.О. Пучков ; под ред. В.С. Бельх. – Москва : Проспект, 2020. – 272 с.
8. Белов В.А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора / В.А. Белов // Вестник гражданского права. – 2007. – № 4. – С. 239–258.
9. Пучков В.О. Методологические проблемы современной юриспруденции : монография / В.О. Пучков. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 317 с.
10. Дюв де Т. Именем искусства. К археологии современности / Т. де Дюв. – Москва : Изд-во Высшей школы экономики, 2014. – 192 с.
11. Знаковая картина мира субъекта поведения / Г.С. Осипов, Н.В. Чудова, А.И. Панов, Ю.М. Кузнецова. – Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2018. – 264 с.
12. Бузова Н.В. Международно-правовое регулирование отношений, связанных с объектами смежных прав: современное состояние и перспективы / Н.В. Бузова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 3. – С. 51–63.
13. Перегудов Ф.И. Введение в системный анализ : учеб. пособие для вузов / Ф.И. Перегудов, Ф.П. Тарасенко. – Москва : Высшая школа, 1989. – 367 с.
14. Пучков О.А. Физическая сущность сетевого пространства и право: некоторые методологические проблемы / О.А. Пучков // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 17. – С. 146–157.
15. Ильенков Э.В. Истоки мышления: диалектика идеального / Э.В. Ильенков. – Москва : Librocom, 2010. – 206 с.
2. Kononov A.A. Scientific conception of the system of law. *Izvestiya vuzov. Seriya: Pravovedenie = News from Universities. Series: Jurisprudence*, 2003, no. 3, pp. 12–21. (In Russian).
3. Larionov I.K. Synergy of state law and reproductive foundations of society's life. Moscow, 2018. 474 p.
4. Kokotov A.N., Malinova I.P. (eds.). *Synergetics and hermeneutics in jurisprudence and social and legal regulation*. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2020. 216 p.
5. Puchkov O. A. Interdisciplinary approach in modern jurisprudence: *Mathematization, standardization, digitalization. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal order: History, Theory, Practice*, 2021, no. 2 (29), pp. 6–15. (In Russian).
6. A guide to the basic concepts and schemes of the methodology of organization, leadership and management: a reader on the works of G.P. Shchedrovitsky. Moscow, Delo Publ., 2004. 208 p.
7. Puchkov V.O.; Belykh V.S. (ed.). *Civilistic doctrine of the digital era: methodological, theoretical and applied problems*. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 272 p.
8. Belov V.A. On the issue of the relationship between the concepts of obligation and contract. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, 2007, no. 4, pp. 239–258. (In Russian).
9. Puchkov V.O. *Methodological problems of modern jurisprudence*. Moscow, YurLitinform Publ., 2021. 317 p.
10. Duve de T. In the name of art. Towards the archeology of modern times. Higher School of Economics Publ., 2014. 192 p.
11. Osipov G.S., Chudova N.V., Panov A.I., Kuznetsova Yu.M. *Iconic worldview of the subject of behavior*. Moscow, FIZMATLIT Publ., 2018. 264 p.
12. Buzova N.V. *International legal regulation of related rights: Current status and prospects. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2020, no. 3, pp. 51–67. (In Russian).
13. Peregudov F.I., Tarasenko F.P. *Introduction to systems analysis*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 367 p.
14. Puchkov O.A. *The physical nature of the network space and law: some methodological problems. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 17, pp. 146–157. (In Russian).
15. Ilyenkov E.V. *Origins of thinking: dialectics of the ideal*. Moscow, Librocom Publ., 2010. 206 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пучков Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Puchkov Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 14.11.2023. The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 14.11.2023.